

В. Е. Солдатов, И. Д. Тузовский

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В АНТИУТОПИЯХ:
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МОДЕЛИРУЕМОГО СОЦИУМА**

В статье анализируются основные социокультурные характеристики обществ, моделируемых в художественном творчестве в жанре антиутопии, среди них выделяются те, которые являются жанрообразующими, а также их объективные и субъективные основания.

Ключевые слова: антиутопия, социальное моделирование, будущее, футурология.

The article analyzes main social-cultural characteristics of the societies modeled in the artistic activity in the genre of anti-utopia, pointing out both the genre forming ones and their objective and subjective grounds.

Key words: anti-utopia, social modeling, future, futurology.

Под социокультурным пространством мы понимаем совокупность значимых социальных групп, индивидов, институтов, организаций, находящихся в определенных отношениях и взаимодействиях, а также социальные нормы и ценности, регулирующие эти взаимосвязи. Естественно, что под антиутопическим социокультурным пространством мы понимаем пространство, моделируемое в литературных, кинематографических произведениях, компьютерных играх в жанре антиутопии. В анализируемых антиутопиях представлены различные наборы ценностей и норм, действующих в социокультурном пространстве. В нашу задачу входит выделить наиболее характерные – сквозные – особенности социокультурного пространства в антиутопиях.

Проблема определения жанра антиутопии связана с его терминологической вторичностью и индуктивным путем формирования классификации жанров вообще, что означает в развивающейся системе «большую или меньшую степень вариативности... в их внешней реализации» [25, с. 7]. В научной и научно-публицистической литературе существует большое число минимально отличающихся друг от друга определений. Однако нам следует разграничить чисто литературное понимание антиутопии как жанра и социально-философскую и социокультурную трактовку этого термина также в контексте художественного произведения. При таком подходе не текстообразующие и стилистические особенности выходят на первый план, а социальная модель, которая создается в произведении-антиутопии. Если подходить к антиутопии с чисто жанровых позиций, то достаточно сложно возразить, например, Т. А. Кли-

менко, которая понимает антиутопию как пародию на жанр утопии или утопический проект, критику утопической идеи [13, с. 16]. Пародийность текста определяет его лингвистическую, текстуальную природу. Однако другой российский исследователь Б. А. Ланин справедливо отмечает, что пародийностью литературная антиутопия не исчерпывается, это форма, но не смысл, и потому антиутопию следует рассматривать как самостоятельный жанр [15, с. 4].

Абсолютное большинство попыток определить антиутопию (в смысле социально-исторической модели, конструируемой при помощи средств художественного повествования) апеллирует к буквальному прочтению термина. Если утопия как жанр предполагает справедливое и совершенное устройство человеческого общества, то антиутопия – несправедливое и «антисовершенное». В качестве критериев утопии выдвигались, например, критерии всеобщего счастья и всеобщей социальной справедливости [23, с. 9]. Однако достаточно очевидно, что эти критерии могут вступать в противоречие друг с другом в условиях, например, реализации всеобщей справедливости в обществе с высоким уровнем преступности или явно противоречить принятым сегодня ценностям и нормам. И наоборот, всеобщее счастье может не иметь ничего общего со справедливостью, как в повести Р. Шекли «Билет на планету Транай» [28, с. 38]. Мы могли бы ограничиться в таком случае определением антиутопии как модели утопии в условиях тех или иных отклонений человеческой природы от идеала, предполагающегося в утопиях. Однако понимания значимости для социального проектирования (утопии) «человеческого фактора» (пре-

вращающего модель в антиутопию) недостаточно. Несовершенство человеческой природы, безусловно, разрушает общую утопическую идею, однако, природа и самой утопии подчас антиутопична с точки зрения действующей системы ценностей и норм. Так, антиутопичны: утопия, основанная на рабстве («Город Солнца» Томазо Кампанеллы [12]) или на полном программировании социального взаимодействия людей (концепция идеального государства Платона [22], социум, смоделированный в романе Г. Л. Олди «Богадельня» [19] на основе мистической реализации идей Платона об идеальном государстве), они не представляются *справедливым* устройством человеческого общества. Однако же концепцию идеального государства Платона мы традиционно называем утопией, а «О дивный новый мир» О. Хаксли – *антиутопией*, хотя последний – не более чем моделирование платоновского социума на фрейдистско-фрейдистских и бихевиористских основаниях [26, с. 536, 545, 554].

Выделение социально-философских и социокультурных критериев антиутопии становится необходимым для понимания эволюции жанра антиутопии от иронического диспута с утопическими проектами («Мы» Е. Замятина [11], «О дивный новый мир» О. Хаксли [26]) к тенденциальным прогнозам («1984» Дж. Оруэлл [21], «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери [3]) и, наконец, к спекуляции на общественных ожиданиях и страхе перед будущим («Метро-2033» Д. Глуховского [6], «Мечеть Парижской богородицы» Е. Чудиновой [27] и т. д.). Только на основании таких критериев возможно определить меняющиеся с течением времени границы этого антижанра.

Критерии определения произведения как антиутопического опираются на восприятие текста читателем и сущность представленной социальной модели. Ведь антиутопия это прежде всего не фабула, не сложный, тонко прорисованный психологически или эмоционально образ отдельного человека-героя, а именно моделирование социума и восприятие этой модели читателем. На основе анализа широкого спектра произведений, которые критикой относятся к антиутопиям и дистопиям, мы выделили социально- и культурфилософские критерии антиутопического жанра. Основная сложность состоит прежде всего в том, что определить четкую границу между *антиутопией* и *дистопией* практически невозможно. Критерии по своей сути являются общими для всех поджанров таких произведений, включая, например, и киберпанк. А само произведение может вместе с изменением системы ценностей, которую воспринял читатель в про-

цессе социализации, менять свою природу: из дистопии становится антиутопией и наоборот.

Оговорим сразу, что под термином *общество антиутопии* (*антиутопический социум* и пр.) будет подразумеваться та социальная модель, которая конструируется автором в произведении-антиутопии. Нашей задачей, таким образом, становится поиск тех черт и особенностей социума, которые в восприятии читателя превращают произведение в антиутопическое.

Первым критерием является эмоциональная доминанта произведения и восприятие читателем общественного устройства, системы норм и ценностей, моделируемых в произведении. Система ценностей конструируемого общества должна кардинально отличаться от привычной нам видимой социальной картины. Так, в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» неприятие читателя вызывает совершенная предопределенность социальной судьбы индивида [26, с. 538]. Эта предопределенность преподносится как гарант социальной стабильности [26, с. 686], являющейся главной ценностью общества в романе [Там же, с. 530].

Подчеркнем еще раз: система ценностей антиутопического социума должна отличаться от видимой и привычной читателю. Фактически некоторые черты антиутопических обществ присутствуют и в современном нам социуме, однако, отторжения не вызывают. И это происходит в силу того, что наше мировоззрение базируется не только на реальном жизненном опыте, но и на теоретическом знании о том, как должно быть. Институты демократии, например, во многом скомпрометировали себя даже в США, однако, такой общественный порядок – большей частью формальной выборности – не вызывает активного протеста, поскольку в процессе социализации мы получили знания о том, что так быть должно.

В процессе социализации мы становимся носителями нормы социального равноправия мужчин и женщин и картина такого неравноправия в «Утопии-14» К. Воннегута [5, с. 43] или «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери [3] вызывает чувство ценностного и эмоционального отторжения. И это даже без учета того, что значительная часть вполне свободного населения планеты сегодня живет по схожим принципам разделения функций между мужчинами и женщинами¹.

¹ Следует отметить, что разделение функций отнюдь не всегда приводит к неравноправию. Однако в человеческом обществе исполняемая функция тесно связана с социальным статусом. В этих пограничных областях, где функция определяет статус, но существуют гендерные предпочтения, мужчина и женщина теряют равноправие – органы правопорядка и армия, определенные функции в коммерческой деятельности – все это до сих пор связа-

Мы спокойно воспринимаем сегрегацию по интеллектуальному принципу в школах, но система образования в «Утопии-14» К. Воннегута [5, с. 187] вызывает только негативную оценку.

Различия между ценностями и нормами, принятыми читателем и моделируемыми в произведении, порождают эффект отторжения. Читатель не желает жить в таком обществе, не хочет видеть его в качестве вероятного будущего. Эффект отторжения усиливается, если в обществе доминирует атмосфера страха, ненависти, нетерпимости. На этот критерий в качестве ключевого обращал внимание Б. А. Ланин [15, с. 159–167], однако, с нашей точки зрения, «псевдокарнавал страха» является дополнительным, а не основным критерием. Этот критерий мы не можем обнаружить в таких произведениях, как «Билет на планету Транай» [28], описаниях Земли в повести «Цивилизации статуса» Р. Шекли [29], «Возвращении со звезд» С. Лема [16], романе О. Хаксли «О дивный новый мир» [26]. А вот кардинальные различия в системе ценностей с современными ценностями обнаруживаются во всех перечисленных произведениях.

Естественно, что эмоциональное отторжение вызвано не только содержательными смысловыми элементами («пятиминутки ненависти», атмосфера постоянного страха в «1984» Дж. Оруэлла [21, с. 103–108]), но и разнообразными художественными средствами и приемами, особенностями авторского стиля описания социума. Эти приемы очень важны, поскольку при их помощи автор усиливает эмоциональное отторжение, неприятие ценностей и норм антиутопического социума читателем за счет механизма самоотождествления читателя и героя-борца, сопереживания и пр. Однако эти моменты уже достаточно подробно описаны в филологических исследованиях и к тому же выходят за границы проблемы определения критериев антиутопии как жанра с учетом обозначенных нами выше требований.

Эмоциональное восприятие и восприятие системы социальных норм и ценностей как неприемлемых с течением времени может меняться, соответственно, произведение, сегодня называемое антиутопией, через десятилетие может стать дистопией и наоборот, о чем мы уже говорили выше.

Второй критерий имеет несколько иную природу. Он также основан на символах и смысловом наполнении текста. В созданном авторским воображением обществе обязательно должна присутствовать группа социальных неконформистов. Это условие –

но с гендерными предпочтениями в силу особенностей исполняемых функций и потому приводит к фактическому неравноправию.

важное само по себе – одновременно формирует и необходимую эмоциональную атмосферу неприятия читателем антиутопического социума. Если описывать антиутопическое общество с точки зрения конформистски настроенного персонажа (а таковые присутствуют в большинстве произведений и, как правило, численно превосходят неконформистов), то эмоционального отторжения у читателя не возникает. Даже разница между ценностями реального социума, продуктом трансляции которых является читатель, и ценностями антиутопического общества теряет свое значение. Так, первые главы романа «Мы» Е. Замятина, в которых повествование ведется от лица вполне счастливого персонажа Д-503, предрасполагают, скорее, к восприятию Единого Государства как утопии [11, с. 307–320].

Эти два критерия необходимым образом должны быть сопряжены с функциями социальной диагностики и прогностики, которые осуществляет произведение-антиутопия. Причем прогностическая функция антиутопии обязательно включает в себя и функцию социальной диагностики. Большинство авторов антиутопий строят тенденциальный прогноз на основании воспринятых ими трендов развития человеческой цивилизации. Негативный прогноз означает диагностирование уже в настоящем для автора негативных же тенденций. Антиутопия (по меньшей мере номинально) предостерегает и предупреждает негативную линию развития. Два критерия, отмеченные выше, служат актуализации этого предостережения и его общей формулировке.

Таким образом, антиутопия может быть понята как социальная модель при наличии следующих критериев:

– модель служит средством социальной диагностики и прогноза-предостережения существующим трендам развития. Объектом социальной диагностики может быть не только реально существующая тенденция, но и общественные ожидания и страхи – страх перед ядерной войной, религиозно-этническая нетерпимость и т. д.;

– система ценностей и норм антиутопического социума должна вызывать у читателя неприятие; он должен эмоционально отторгать социум антиутопии;

– читатель должен сопереживать герою-асоциалу или неконформисту, который также не разделяет основных норм и ценностей моделируемого социума.

Мы можем выделить также ряд дополнительных характерных черт моделируемого социума, которые определяют его как антиутопический. Ими будут являться общие характеристики политической системы и частные

характеристики социальных отношений. Стоит отметить, что если политическая система описывается во многих произведениях достаточно подробно, то система общественных отношений подается отдельными штрихами-замечаниями, которые достаточно сложно объединить в общую картину. Хотя, конечно, существуют исключения – так, например, в романе Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» о политической системе не сказано ни слова, зато система социальных отношений рассмотрена достаточно подробно [3]. Впрочем, *предупреждение* антиутопии Р. Брэдбери и заключалось, по-видимому, в акцентировке внимания на социуме, а не институциональном устройстве политической системы.

Первая дополнительная черта определения социума как антиутопического заключается в специфике политической организации антиутопического социума. Политическая система антиутопического социума **может быть** (только *может быть*, но вовсе не обязательно является) тоталитарной. Она *может* строиться на праве силы и насилии. Политическая система *может* использовать тотальное слежение за всеми гражданами. Еще одна возможная дополнительная черта – значительная разница между принципами жесткого ограничения человеческой свободы, пропагандируемой государством антиутопии, и образом жизни элиты этого государства. Максимальный по силе эффект оказывала «начиненность» брандмейстера Битти из романа Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» цитатами из книг, которые он всю жизнь безжалостно уничтожал [3, с. 40, 54, 58]. Или финальная сцена фильма «Эквилибриум», в которой выясняется, что элита Тетраграмматона никогда не исповедовала принцип отказа от эмоций, навязанный ей всему остальному обществу. Наконец, последняя дополнительная черта, на которую нам хотелось бы указать, – это отсутствие свободы индивидов в описанном автором социуме, с точки зрения читателя. Причем в этом случае также ключевым моментом будет являться прямое сравнение между малочисленной элитой и социальным большинством.

Критерий эмоционально-ценностного восприятия, наличие группы нонконформистов или героя-борца, которому читатель должен хотя бы сопереживать и разделять его эмоциональные переживания, вторичные условия-особенности социально-политического строя моделируемого социума приводят нас к формулировке определенной «литературно-предсказательной техники». Негативный эмоциональный фон, ценностная неприемлемость, замкнутые на самоотждествлении читателя с героем-борцом, определяют восприятие моделируемой социальной сис-

темы как антиутопической. Эта техника наталкивает нас на мысль, что «антиутопичность» социума – исключительно субъективная величина.

На основании этого заключения можно сформулировать гипотезу о том, что использование такой техники позволяет изобразить современное, а не гипотетически будущее или исторически «альтернативное» состояние социума как антиутопическое. Данную гипотезу достаточно легко проверить. Так, роман И. Ефремова «Час быка» изображает в качестве антиутопии современное автору капиталистическое общество, доведенное до абсурда [9], прямо о современном авторам капитализме говорится в романе Веркора и Коронеля «Квота, или “Сторонники изобилия”» [4] и пр. Исторически-альтернативную фашистскую антиутопию создает Ф. Дик в романе «Человек в высоком замке» [8] (кстати, используя зеркальные приемы, Хольм ван Зайчик делает утопией ситуацию монгольского завоевания и Китая, и Руси, превращая Орду в романе «Дело жадного варвара» в самую процветающую, но при этом самобытную многонациональную державу [10]).

Однако именно такой подход заводит нас в логический тупик: если антиутопичность моделируемого автором социума – исключительно субъективная характеристика восприятия, то воспользоваться романом-антиутопией как предупреждением или предостережением становится фактически невозможно. Субъективность девальвирует любой, даже самый точный прогноз. А ценится в антиутопии именно «точность попадания» автора в спектр личных ожиданий читателя, сопряженность антиутопического прогноза с личными страхами, поэтому для исследования проблем определения жанра антиутопии необходим анализ тех вторичных (или дополнительных) черт социальной модели, которые мы выделяли выше.

Рабство. Пожалуй, наиболее значимой чертой социальности антиутопий, которая вызывает у читателя отторжение, является тема человеческого рабства. Точнее – порабощения человеческого сознания, которое приводит в конечном счете к порабощению физическому и даже физиологическому. Однако здесь мнения авторов антиутопий разделяются. Проведя сравнительный анализ художественно-литературных источников, можно выделить две основные точки зрения на механизм утраты социумом в целом и отдельными индивидами в частности свободы:

– свобода теряется в результате вытеснения ее «сытостью», т. е. по мере роста контроля государственной машины над личностью и одновременного

роста благополучия каждого члена общества, личность теряет интерес к свободе. Таков путь, который прошло общество Благодетеля в романе Е. Замятина «Мы» после двухсотлетней войны и глобального голода [11, с. 320–321], социум в романе Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» [3, с. 54–60];

– вторая позиция представлена Дж. Оруэллом в романе «1984». Свобода теряется не из-за роста сытости, а просто потому, что человек к ней не приспособлен органически – «все исторические перемены», по Оруэллу, «значили не больше, чем смена хозяев» [21, с. 250].

Первый подход является оптимистическим (свобода утеряна из-за потери стимула к обладанию ею, а следовательно, стимул можно вернуть), а второй – пессимистическим (свобода утрачивается просто потому, что человек не готов и не будет готов ею обладать).

Попробуем теперь проследить общий механизм утраты свободы.

Государство в антиутопии очевидно формируется по первому из указанных путей – т. е. во имя идеи наибольшего благополучия [см., например: 3, 5, 20, 24, 26, 28, 29]. Оно развивается, совершенствуется (о чем судить довольно сложно, ибо большинство авторов старательно избегают вопроса о генезисе социума антиутопии). Доходит до момента, когда техническая и социальная базы государства перестают соответствовать изначальной цели. В процесс вступает инерция человеческого мышления, его консервативность и традиционность. Развитие начинает сознательно тормозиться всеми доступными средствами. В этот момент забота о «комфорте» отходит на второй план, а первоочередная задача наилучшим образом выражена О. Хаксли: «Общность. Одинаковость. Стабильность – проскандировал он [Директор Инкубатория] девиз планеты. Величественные слова» [26, с. 530]. Формируется аппарат подавления и социальной сегрегации. Идеология начинает играть роль жесткого интеллектуального ограничителя, в угоду ей упрощается язык [21, с. 135–137]. Государственные символы приобретают религиозно-мистический ореол [26, с. 544, 554].

Если выделять тему свободы в отдельный курс по общей проблематике антиутопии, то мы обнаружим, что авторы антиутопий отрицают свободу в либеральном (Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» [3]), тоталитарном (Дж. Оруэлл «1984» [21]), технократическом или сциентично-ориентированном обществе (С. Лем «Футурологический кон-

гресс» [17], О. Хаксли «О дивный новый мир» [26], Е. Замятин «Мы» [11]).

Концепция войны и государства как «осажденной крепости». В романе Дж. Оруэлла «1984» доминантой восприятия общества как антиутопического является тотальный контроль Партии/Государства над жизнью индивида, но не этот тотальный контроль делает невозможными иные формы социальной жизни. Всевластие партии оправдано морально, идеологически и политически ведущей войной [21, с. 99, 102]. Аналогичным образом вызвано к жизни технократическое общество «Утопии-14» К. Воннегута [5, с. 8, 41]. Угроза должна исходить извне (хотя бы формально), чтобы оправдывать внутреннюю организацию и тоталитарную регламентацию. Ожидание войны – основное социальное ожидание, например, в романе «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери, но это лишь повод для введения тоталитарного контроля и примитивизации культуры. Роман заканчивается тем, что Америка подверглась ядерной бомбардировке. «И в это мгновение началась и окончилась война...» [3, с. 145] – внешняя угроза исчезла, на ее место пришли иные факторы и Брэдбери обрывает свое повествование. Это будет совсем иное общество.

Идеология «осажденной крепости» и ожидание войны являются необходимыми условиями поддержания соответственной эмоциональной атмосферы страха. Война устойчиво формирует сочетание противоречивых эмоций: страх, смешанный с энтузиазмом победы. А это основное социальное настроение антиутопического общества [См., например, 21, с. 131, 152, 211], необходимое для отторжения читателем предлагаемой социальной модели.

Естественно, что чистые типы объективации «осажденной крепости» также встречаются редко. В большинстве своем авторы стремятся создать сбалансированную систему угроз и страхов (война, культурная и идеологическая непримиримость, истощение ресурсов и т. д.), отрезающую возможность контакта с иными типами социума.

Той же цели актуализации страха перед внешним врагом и мощью государства служит система органов массовых репрессий и широкое применение государственной монополии на насилие.

Государственное насилие. Антиутопическое государство повсеместно выходит за рамки нормативной легитимности. Точнее – оно не нуждается ни в каком ином виде легитимности, кроме легитимности, сообщаемой ему молчаливым признанием правомерности его существования обществом. Только

мысленное признание гражданином невозможности существования иного государства является легитимизацией антиутопии.

На базе такого признания собственной легитимности государство монополизует право на насилие. Оно получает фактическое право исключения из социума любого гражданина, отвергающего легитимность такого социального устройства.

Уголовное преступление фактически менее опасно, нежели мысленный отказ антиутопическому социуму в легитимности. Уголовное преступление *может* трактоваться как нарушение принципа «априорной легитимности», однако, любое действие (будь то попытка мятежа или просто нарушение неписанного кодекса поведения), напрямую отрицающее легитимность, гораздо опаснее. А следовательно, и караться должно еще более неукоснительно. Так, в романе К. Воннегута «Утопия-14» инженер Гарт пострадал за то, что совершил «покушение на убийство дерева», являвшегося едва ли не религиозной святыней правящего класса инженеров [5, с. 298–299].

«Власть – не средство, она – цель. Цель репрессии – репрессии, цель пытки – пытка» [21, с. 298]. Государству не требуются законы, если насилие воплощается как высший принцип законности. Поскольку любое антиутопическое общество базируется на регламентации социального поведения индивида, то оно в краткие исторические промежутки формирует традиции такого поведения. Не вполне явная и формализованная традиция заменяет роль закона. Возможно, подобной социальной перверсией и объясняется парадокс тоталитарного общества, которое некоторые исследователи называют «псевдотрадиционным». Конечный результат исторического традиционного общества и тоталитарного государства один и тот же – контроль над всеми своими гражданами и реализация права на насилие. Причем любой подобный социум вынужден держаться в рамках некоторых средних границ реализации насилия. Нельзя казнить всех граждан, но и меньше определенного числа казнить также нельзя.

Репрессивный аппарат принимает на себя длинный перечень функций:

- тотальная слежка (для чего тщательно культивируется состояние всеобщего доносительства, отслеживание массовых настроений, провокации, технологическая аппаратура, провоцирование внешнеполитическими силами);

- поиск и поимка преступника (массовая мобилизация, технологические средства, использование

полиции или спецслужб);

- подавление масштабных выступлений насилием (армия);

- физическое уничтожение преступника;

- перевоспитание преступника (насилием, пытками, прямым психологическим воздействием на личность).

Гендерные отношения. Интересная ситуация складывается с отношениями полов и местом мужчин и женщин в самой социальной структуре антиутопии.

Так, например, в «Утопии-14» женщины играют исключительно роль домохозяек и дорогих игрушек правящего класса инженеров [5, с. 20, 34, 43, 122, 132]. Аналогичная картина показана в «451° по Фаренгейту», по крайней мере о социальной значимости женщин там не сказано ничего – они готовят, слушают радио и смотрят «Родственников», их существование настолько обесмыслено, что жена главного героя Милдред не запоминает, сколько таблеток от бессонницы приняла в очередной раз и даже не понимает, что едва не умерла от этого [3, с. 42–48]. Совсем иная ситуация, например, в романе Дж. Оруэлла «1984», где женщины – вполне полноправные и *полнофункциональные* члены социума. Но в абсолютном большинстве антиутопий мы сталкиваемся с социальной активностью мужчин, направленной как на сохранение стабильности социума, так и на его разрушение. Мужчины в антиутопиях играют ведущую роль: производительные функции, охранно-стабилизационные, управленческие – все это удел мужской части населения.

Отдельный аспект в отношениях между полами представлен в романе Э. Берджеса «Вожделеющее семя». Фабула романа закручивается вокруг проблемы катастрофического перенаселения Земли. В аналогичной ситуации находится социум «Футурологического конгресса» С. Лема. Однако решения этой проблемы и расстановка акцентов принципиально разные. В «Вожделеющем семени» в качестве способа решения этой проблемы предлагается государственное и социокультурное поощрение гомосексуальных отношений [1, с. 170–171, 191, 208], а в повести С. Лема – сатира на насильственные способы решения проблемы перенаселения [17, с. 441].

Институт семьи. Как социальный институт и феномен человеческого общежития семья является значимой ценностью. Следовательно, деформация этого института не может не вызвать ценностного отторжения у читателя. Попробуем проследить, каким именно деформациям подвергается институт семьи в социально-политических антиутопиях. Ис-

ходить здесь необходимо из того набора функций, которые исполняет семья в современном обществе.

Возникает резонный вопрос о том, почему эти функции должны подвергаться деформации. Представляется, что искаженный образ семьи и семейных отношений проистекает из того, что авторы антиутопий первичным своим стремлением видели не только и не столько необходимость вызвать отвращение и неприятие читателем описываемого ими социального устройства; целью большинства таких произведений являлось предостережение человечества от возможных и реалистичных версий исторического развития или прогноз такого вероятного развития, доводимый до абсурдного преувеличения. Такого рода модель должна быть логичной и последовательной. Институт семьи на протяжении всего исторического развития человеческого общества проходил цепь изменений, которые воспринимались как деформации, разрушение семейных традиционных ценностей и т. д.

Очевидно репродукция человеческого рода представляет собой наиболее актуальную проблему, если рассматривать семью как систему, репродуцирующую человеческие особи. Если решается эта проблема, то и удовлетворение сексуальных потребностей взрослого поколения можно также исключить из функций семьи – отдельные индивиды вполне могут удовлетворять эти потребности максимально свободным и комфортным образом на базе свободной любви, уже имевшей место в истории человечества.

По такому пути прошел социум, созданный воображением О. Хаксли в романе «О дивный новый мир». Сопутствующие социальные деформации – полное удовлетворение потребностей материального потребления и массовое «духовное» потребление [26, с. 685–686, 580–582] – уничтожили функцию семьи, заключающуюся в обеспечении быта (ведение домашнего хозяйства). Коллективное гипнотическое воспитание, массовые церемонии «Единения с Фордом» [26, с. 540–541, 583–588] решили еще одну проблему, которая сегодня стоит перед семьей – эмоционально-психологическая поддержка и защита членов одной семьи.

Наконец, коллективное общественное воспитание, поставленное «научно» и «на поток», решает функцию социализации индивида. Интересен и тот факт, что формы коллективного воспитания полностью вне семьи также существовали в истории человечества, например, в спартанском обществе. Также можно отметить и то, что по мере роста общего объема человеческих знаний, их все большей специализации увеличивается число социальных и государст-

венных институтов, принимающих на себя обязанности социализации новых поколений. Соответственно, послышки О. Хаксли выглядят абсолютно логичными и закономерными, образуя «нефантастичную» цепочку умозаключений. При условии, конечно, принятия первой посылки об искусственном «разведении» узкоспециализированных физиологически и интеллектуально людей.

Таким образом, институт семьи оказался не просто деформирован, а полностью уничтожен (с позиций современного его понимания). Впрочем, с точки зрения представителей самого общества, показанного в романе «О дивный новый мир», семья существует, причем гораздо более многочисленная, чем прежде. Это «группы Бокановского» у низших каст и «фордовы группы» у высших каст общества.

Отдельно мы можем выделить феномен, которому дадим условное название «линии нисходящей функциональности». Он проявляется в тех произведениях, в которых институт семьи показан не как уничтоженный, а через притупление своей функциональности. Таково существование семьи в романах Дж. Оруэлла «1984» [21, с. 195–196], Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» [3], К. Воннегута «Утопия-14» [5]. Здесь семья продолжает функционировать, однако, члены ее исполняют свои функции механически, не придавая им смысла необходимости или обязательности, не обременяя себя ритуальной стороной процесса. Сакральность (или ритуальность) и возводит семью из разряда группы размножающихся и nasledующих друг другу индивидов в группу единства.

«Нисходящая линия функциональности» в совокупности с прочими социально-политическими и техническими обстоятельствами приводит в социумах антиутопий к полному разрушению института семьи (разумеется, в нашем понимании этого термина). Крайние проявления этой ситуации мы наблюдаем в романах «Мы» (где государство определяет отцовскую и материнскую нормы, каждый номер имеет право на любой другой, как объект сексуального желания и т. д. [11, с. 315–316, 334]) и «О дивный новый мир».

Рассмотрение специфики гендерных отношений и особенностей функционирования института семьи позволяет поставить вопрос о том, что антиутопический социум при декларации своей монолитности демонстрирует на самом деле высший уровень социальной дифференциации и сегрегации. Сегрегация представляет собой ущемление в правах. Однако во многих антиутопиях невозможно определить наличие сегрегации юридическим способом – не потому, что система права не описана подробно, а в связи с отсутствием системы

права в принципе, что уже отмечалось выше.

Решить данную проблему можно следующим образом: простейший способ сегрегации предполагает географическую локализацию группы-изолята. Это гетто, национальные, профессиональные и прочие кварталы или районы. Гораздо более изощренные способы сегрегации – социокультурный и интеллектуальный. Они несколько сложнее для анализа, однако, позволяют точнее определить сам принцип функционирования общества.

Итак, имеет место социальная дифференциация или же сегрегация? Начнем с того, что группы-изоляты возможно отыскать практически в любой антиутопической социальной модели. В некоторых случаях важнее, когда социальная группа негативным образом изолируется в своем районе (отрицательная сегрегация – пролы в «1984» [21], индейцы в резервации в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» [26]); в иных случаях – когда доступ к географической зоне *открыт* только для определенной социальной группы (остров Дерева в «Утопии-14» [5]).

На самом деле *любой* район является районом-изолятом, в котором проживает сегрегированная социальная группа – будь то инженеры и КРРахи в «Утопии-14», или пролы и партийцы в «1984». И как в любом районе-изоляте (гетто), в нем действует свой *закон*, отличный от декларируемого общего закона. Изоляция же привилегированного района также позволяет создать в нем сферу действия отдельного закона – большей ответственности, но и большего комфорта.

Итак, обратимся к функциям и формам сегрегации.

В социумах антиутопий сегрегация имеет либо конкретно-географическую, либо социокультурную или интеллектуальную формы. Вторая форма более изощрена. Такова сегрегация в романах «О дивный новый мир!» (даже сегрегацией этот процесс назвать трудно – физические и интеллектуальные кондиции и поведение отдельных социальных групп полностью программируются от зародышевого состояния до зрелости организма [26, с. 530–536]). В романе «1984», кроме взаимной географической изоляции, пролы и партийцы весьма различны психологически и интеллектуально. Пролы вообще сравниваются с животными, а член Партии владеет навыками двоемыслия, *любит* Старшего/Большого Брата и т. д. [21, с. 151, 220–221 и пр.]. В «Утопии-14» *класс* инженеров быстро перерождается в *сословие*, поскольку положение их становится наследственным: большинство главных героев – сыновья гораздо более талантливых отцов [5, с. 85, 187]. В романе Ф. К. Дика «Мечтают ли андроиды

об электроовцах» анди априори умнее людей, однако, лишены всяческих прав [7].

Основная функция сегрегации – поддержание стабильности социума. Уинстон Смит из романа Дж. Оруэлла «1984» справедливо замечал: «Если есть надежда, то она в пролах» [21, с. 149], однако, пролы были изолированы от политически активных граждан – Партии и тем самым всякая угроза с их стороны была исключена.

Система управления и масс-медиа. В рамках анализа социокультурного пространства антиутопий необходимо разобраться в том наборе инструментов, который использует антиутопическое государство. Собственно, этот инструментальный набор в большинстве случаев объективно (а не в субъективном читательском восприятии, значимость которого отмечалась выше) делает антиутопию антиутопией. Поскольку мы уже приняли тезис о том, что само название *антиутопия* формально, то неумолимо следует вывод, что отнюдь не абсолютное несовершенство государственного или социального порядка делает такое общество для нас неприемлемым. Приемлемость инструментов решения проблем государством значит практически все для читателя. Герою читатель охотнее простит незначительные проступки и даже применение насилия. И можно скорее интуитивно, чем строго логически выйти на понимание такого парадокса – ***и в жизни читатель ощущает себя единицей, противостоящей государственной машине.*** Следовательно, шансы необходимо уравнять хотя бы аксиологически – разрешить индивиду то, что непозволительно и, более того, непростительно государству.

Априори предполагается: устройство социума антиутопии таково, что не может не порождать сопротивления – от *внутреннего неприятия* до *террористических действий* и т. д. Государство, таким образом, принимает на себя две основные функции – *сохранение стабильности своего устройства* и *контроль за социумом.* Все прочие *сверхзадачи государства* становятся второстепенными и их *решение откладывается на неопределенный срок.*

В результате получается, что сохранение стабильности на срок любой продолжительности – основная задача государства, а достигается она последовательным решением одной малой задачи – контролем социума, куда входят: профилактика переоценки государства и социума; агрессивная позитивная пропаганда; агрессивная негативная пропаганда; выявление индивидов, изменивших свои оценки государственной политики на негативные; уничтоже-

ние таких индивидов или рекрутирование их в государственные механизмы в новой роли; «перевоспитание» таких индивидов, означающее коренную ломку личности. Средства масс-медиа в антиутопиях интегрируют в себе большинство этих функций в профилактической форме (за исключением физического уничтожения нонконформистов). В «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери роль масс-медиа исполняет телерадиовещание (ТРВ), непрерывный прием которого стал социальной нормой [3, с. 88–89]. Оно одновременно используется и как катализатор, и как ингибитор социального поведения (побуждение к определенным действиям или, наоборот, их запрет) [Там же, с. 114]. ТРВ также играет информирующую роль и как средство профилактики инициации переоценки. При этом профилактика сводится к нескольким моментам: активизация пользования ТРВ (по продолжительности и личной значимости); ценностная девальвация альтернатив ТРВ; актуализация мировоззрения социально-пассивного потребительства и гедонизма; профилактика самостоятельного мышления, насаждение «социального аутизма». Таким образом, потребитель масс-медиа оказывается в ситуации безальтернативности информационной базы (при ее крайне низкой значимости) и подавления навыков анализа информации. На схожих принципах функционируют системы масс-медиа практически во всех романах-антиутопиях, которые упоминались выше.

Регламентация повседневного поведения.

Пожалуй, один из наиболее сложных вопросов – это регламентация системы быта, повседневной жизни людей и т. д. Данный аспект антиутопического социума вызывает, как правило, наибольший негативный отклик читателя, а следовательно, активно участвует в формировании «образа антиутопичности».

Отметим основные формы регламентации повседневного поведения:

– *насильственный* (за счет системы слежения и контроля). Такая форма представлена в романе Дж. Оруэлла «1984»;

– *поощряемый* (за счет создания системы предпочтений или условного «социального заказа» на те или иные поведенческие формы);

– *программированный* (за счет технических, психологических или иных аспектов). Такой способ регламентации представлен в романах «Мы» Е. Замiatина и «О дивный новый мир» О. Хаксли;

– *экономический*. Редкое проявление в чистом виде встретилось в антиутопическом и дистопическом жанре всего однажды – в романе «Квота, или сторонники потребления». К данному типу также условно

можно отнести механизм «управляемого дефицита», изображенный Дж. Оруэллом в романе «1984». В начале романа откровенно упоминается, что политика партии заключалась в периодическом сокращении производства или распределения вещей, необходимых в быту – пуговиц, шнурков, швейных игл, бритвенных лезвий и т. д. [21, с. 142];

– *смешанный тип*. Он представлен, например, в романе «Утопия-14» К. Воннегута. Класс инженеров следует нормам поведения не под угрозой социальной изоляции, а под угрозой понижения социального статуса (или наоборот – не активного понижения, а «закрытия» возможностей карьерного роста). Однако и в этом случае можно отметить, что у индивида формируются определенные предпочтения. Наконец, определенные вещи в таком социуме строго навязываются – как, например, поездка на Лужайку раз в год является строго обязательной для инженеров.

Необходимо также отметить и основные стороны повседневной жизни, которые подвергаются регламентации. В первую очередь, это частный и гражданский (как правило, профессиональный) распорядок дня от подъема до отхода ко сну. Во-вторых, это семейные отношения и сексуальная жизнь индивида. В-третьих, круг его общения и основные обсуждаемые проблемы, а также формы досуга. В-четвертых, основные потребляемые им продукты и предметы, необходимые индивиду в быту.

Основные концепции сводятся либо к насильственному (под угрозой наказания), либо к поощрительному (опять-таки под угрозой наказания, обратной стороной которого является поощрение за правильные действия), либо к программированному регламентированию социального поведения. Следует отметить также, что в чистом виде данные способы регламентации социального и частного поведения индивидов практически ни в одной антиутопии не встречаются, однако, доминируют черты какого-либо одного типа.

Таким образом, антиутопическая традиция (в совокупности произведений) создает достаточно целостную картину-модель социокультурного пространства. Следует отметить, что модель эта действительно **антиутопична** – обладает негативными, с аксиологической точки зрения, характеристиками. Открытым остается вопрос об исполнении или неисполнении антиутопиями функции социального предупреждения. Хотя следует оговорить, что многие характерные черты антиутопического социума, которые были представлены, например, в литературных моделях начала и середины прошлого столетия, мы можем наблюдать как реальные феномены современного социума.

1. Берджесс, Э. Вожделеющее семя // Заводной апельсин; Вожделеющее семя; Трепет намерения: Романы: пер. с англ. / Э. Берджесс; [примеч. Н. Калинина, А. Смолянского; худож. С. Лемехов]. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1993. – 667 с.
2. Берджесс, Э. Заводной апельсин // Заводной апельсин; Вожделеющее семя; Трепет намерения: романы: пер. с англ. / Э. Берджесс; [примеч. Н. Калинина, А. Смолянского; худож. С. Лемехов]. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1993. – 667 с.
3. Брэдбери, Р. 451° по Фаренгейту // О скитаньях вечных и о Земле: [сборник: пер. с англ.] / Р. Брэдбери; [сост. и послесл. В. И. Скурлатова; вступ. слово В. А. Джанибекова; ил. Г. Н. Бойко, И. Н. Шалито]. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
4. Веркор. Квота, или Сторонники изобилия [Электронный ресурс] / Веркор, Коронель [пер. И. Эрбург]. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/verkor/kvota_ili_storonniki_izobiliya/ (21.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Воннегут, К. Утопия-14 / К. Воннегут. – М.: МП «Все для вас», 1992. – 330 с. – (Американская фантастика в 14 т. [пер.]).
6. Глуховский, Д. Метро-2033 [Электронный ресурс] / Д. Глуховский. – Режим доступа: <http://www.metro2033.ru/book/> (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Дик, Ф. К. Бегущий по лезвию бритвы (Мечтают ли андроиды об электроовцах?) [Электронный ресурс] / Ф. К. Дик. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/filip_kindred_dik/begushiyi_po_lezviyu_britvii_mechtayut_l/ (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
8. Дик, Ф. К. Человек в высоком замке [Электронный ресурс] / Ф. К. Дик. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/dik_filip_kayindred/chelovek_v_vysokom_zamke/ (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
9. Ефремов, И. Час быка: науч.-фантаст. роман / И. Ефремов. – Челябинск: Вариант-книга; Омск: изд.-полигр. комплекс «Омич», 1992. – 447 с.
10. Зайчик ван, Х. Дело жадного варвара [Электронный ресурс] / Х. ван Зайчик // Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/113460/read> (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
11. Замятин, Е. Мы // Избранное / Е. Замятин; [сост. О. Н. Михайлова; худож. О. К. Вуколова]. – М.: Правда, 1989. – 464 с. – (Библиотека «Огонек»).
12. Кампанелла, Т. Город солнца [Электронный ресурс] / Т. Кампанелла // Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kampanella_tommazo/gorod_solnca/ (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
13. Клименко, Т. Н. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов: на материале романов-антиутопий: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Т. Н. Клименко. – СПб., 2007. – 28 с.
14. Корнблат, С. М. Операция «Венера»: сб. науч.-фантаст. произведений / С. М. Корнблат; Э. Нортон; Ф. Пол. – М.: МП «Все для вас», 1992. – 332 с. – (Американская фантастика в 14 т. [пер.]).
15. Ланин, Б. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Б. А. Ланин. – М., 1993. – 344 с.
16. Лем, С. Возвращение со звезд // Солярис; Возвращение со звезд / С. Лем; [пер. Г. А. Гудимовой, В. М. Перельман; худож. Л. Денисенко, В. Черниевский]. – М.: РИФ, 1992. – 396 с. – (Собрание сочинений в 10 т. [пер.]).
17. Лем, С. Футурологический конгресс // Звездные дневники; Из воспоминаний Ийона Тихого; Футурологический конгресс: Повести: [пер.] / С. Лем; [худож. И. Сауков, А. Яковлев]. – М.: ЭКСМО-пресс, 1998. – 525 с. – (Классика приключений и научной фантастики).
18. Морщихина, Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Л. А. Морщихина. – Архангельск, 2004. – 195 с.
19. Олди, Г. Л. Богадельня [Электронный ресурс] / Г. Л. Олди. – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/oldi_genri_layion/bogadelnya/ (14.11.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
20. Оруэлл, Дж. Скотный двор [Текст] // Скотный двор; 1984; Памяти Каталонии; Эссе: сборник: пер. с англ. / Дж. Оруэлл. – М.: НФ «Пушкинская библиотека»; Изд-во АСТ, 2003. – 661 с. – (Золотой фонд мировой классики).
21. Оруэлл, Дж. 1984 // Скотный двор; 1984; Памяти Каталонии. Эссе: сборник: пер. с англ. / Дж. Оруэлл. – М.: НФ «Пушкинская библиотека»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 661 с. – (Золотой фонд мировой классики).
22. Платон. Государство [Электронный ресурс] / Платон. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/plato/01/0.html> (14.11.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
23. Плех, З. И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02. / З. И. Плех. – Бишкек, 2008. – 23 с.
24. Стругацкий, А. Н. Обитаемый остров [Электронный ресурс] / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/strugackie_arkadiyi_i_boris/kamerer_1_obitaemyi_ostrov/ (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
25. Тырыгина, В. А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.04 / В. А. Тырыгина. – М., 2008. – 47 с.
26. Хаксли, О. О дивный новый мир // Контрапункт; О дивный новый мир; Обезьяна и сущность; Рассказы / О. Хаксли; [пер. с англ. И. Романовича и др.]. – М.: НФ «Пушкинская библиотека»; АСТ, 2002. – 986 с. – (Золотой фонд мировой классики).
27. Чудинова, Е. Мечеть Парижской Богородицы [Электронный ресурс] / Е. Чудинова. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/chudinova_elena/mechet_parijskoyi_bogomateri/ (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
28. Шекли, Р. Билет на планету Транай // Билет на планету Транай; Обмен разумов; Четыре стихии; Рассказы / Р. Шекли. – М.: МП «Все для вас», 1992. – 364 с. – (Американская фантастика в 14 т. [пер.]).
29. Шекли, Р. Цивилизация статуса [Электронный ресурс] / Р. Шекли. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/robert_shekli/civilizaciya_statusa/ (3.09.2009), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.